

А. В. Карташев

ВЕТХОЗАВЕТНАЯ БИБЛЕЙСКАЯ КРИТИКА

С предисловием
митрополита Волоколамского Илариона

Антон Карташев

**Ветхозаветная
библейская критика**

«ЦЕНТР УЧЕБНОЙ И НАУЧНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ – ПОЗНАНИЕ»

1944

УДК 27
ББК 86.372

Карташев А. В.

Ветхозаветная библейская критика / А. В. Карташев — «ЦЕНТР
УЧЕБНОЙ И НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ –
ПОЗНАНИЕ», 1944

ISBN 978-5-9908681-1-3

Книга представляет собой переиздание знаменитого доклада А. В. Карташева «Ветхозаветная библейская критика», который был прочитан 13 февраля 1944 года в парижском Свято-Сергиевском богословском институте. В связи с трудностями военного и послевоенного времени доклад Карташева был опубликован лишь в 1947 г. – в издательстве YMCA-PRESS в Париже, небольшим тиражом. Это издание давно уже стало библиографической редкостью. Полного переиздания доклада Карташева не было. Книга снабжена предисловием митрополита Илариона (Алфеева) и краткой справкой биобиблиографического характера, посвященной жизни и деятельности А. В. Карташева. Для всех, интересующихся библеистикой и богословием.

УДК 27
ББК 86.372

ISBN 978-5-9908681-1-3

© Карташев А. В., 1944
© ЦЕНТР УЧЕБНОЙ И НАУЧНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ – ПОЗНАНИЕ, 1944

Содержание

Предисловие	6
А. В. Карташев и его доклад «Ветхозаветная библейская критика»	9
I	9
II	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

А. В. Карташев

Ветхозаветная библейская критика

С предисловием митрополита Волоколамского Илариона

*Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви ИС
Р17-702-3055*

© Общецерковная аспирантура и докторантура им. свв. Кирилла и Мефодия, 2017

© Издательский дом «Познание», 2017

Предисловие

Свыше семидесяти лет назад, 13 февраля 1944 года, в парижском Свято-Сергиевском богословском институте, крупнейшем на тот момент центре русской богословской мысли, прозвучал доклад «Ветхозаветная библейская критика». Докладчик, Антон Владимирович Карташев, известный историк и один из ведущих профессоров института с самого момента его создания в 1925 г., в прошлом министр исповеданий при Временном правительстве, говорил о необходимости приобщения православных ученых к достижениям современной библеистики: *«Поворот, производимый в данном случае библейской наукой, относится к крупнейшим событиям в истории духовной жизни человечества <...> В неизбежно предстоящем Русской церкви... миссионерском походе по обширному лицу родной земли нельзя обойтись одними устарелыми средствами из арсенала нашей научно-богословской отсталости. Чтобы бить врага на всех его кажущихся передовыми и научными позициях, нужно самим владеть оружием новейшей научной техники. Но для этого нужно ее сначала творчески воспринять, усвоить и преобразить в лоне церковного богословия и церковной истины».*

«Библейская критика», которой был посвящен доклад Карташева, – это сложившаяся в Европе нового времени научная дисциплина, в основе которой лежит историко-филологический подход к библейскому тексту. Такой подход подразумевает, во-первых, текстологический анализ (восстановление древнейшего вида текста через сравнение рукописей), во-вторых, филологический анализ (с обязательным привлечением других письменных памятников Древнего Востока и античности), в-третьих, исторический анализ (с учетом нашего знания об истории и реалиях Древнего мира, о жизни, быте и мировоззрении людей того времени). Можно сказать, отличительной чертой новоевропейской библейской науки является то, что к библейскому тексту, в его буквальном прочтении, предлагается применять те же самые способы анализа, что и к другим древним текстам.

Некоторые до сих пор придерживаются мнения, будто православный христианин должен отвергать библейскую критику как продукт преимущественно протестантской науки. Это мнение следует считать ошибочным. Благоговейное отношение к Библии отнюдь не исключает анализа ее текста – критического не в смысле отрицания или оспаривания содержащихся в нем богооткровенных истин, а в смысле вдумчивого сравнительного разбора различных версий библейского текста. Отвергая с порога библейскую критику, ее оппоненты забывают, например, о том, что в православной традиции нет единого общепринятого текста Библии (достаточно указать на различие между славянской и русской Библией). Сличение древних рукописей, установление разночтений и выявление наиболее авторитетного текста никоим образом не противоречит православному пониманию Священного Писания. Критические издания библейских текстов не менее ценны для православного христианина, чем для католика или протестанта. Оппоненты современной библейской науки забывают, что Синодальный перевод, сделанный под руководством святителя Филарета Московского, учитывал лучшие достижения библейской науки своего времени (за что тоже подвергался тогда немалым нападкам).

Именно против такого бездумного отвержения современной библейской науки и выступал в своем докладе Карташев.

Вне всякого сомнения, филологические исследования Библии помогают нам восстановить исторический контекст Священного Писания, лучше понять, как слова Писания воспринимались первыми его читателями и слушателями. Как писал протоиерей Сергей Булгаков, другой представитель «парижской» школы русского богословия: *«Истина едина, но постигается людьми в дискурсивном процессе развития. И православному сознанию нет оснований бояться библейской критики или смущаться пред нею, потому что чрез нее лишь конкретнее*

становятся постижимы пути Божии и действие Духа Божия, многократно и многообразно действовавшего в Церкви»¹.

За несколько лет до доклада Карташева, в 1936 году, еще один русский богослов, Борис Иванович Сове, в тезисах, представленных на I Конгрессе православных богословов в Афинах, писал о том, что богодухновенность Библии должна быть понимаема *«в свете Халкидонского догмата о Богочеловечестве. Участие в написании Библии человеческого элемента с его ограниченностью объясняет особенности ветхозаветных книг как исторических источников, их ошибки, анахронизмы, которые могут быть исправлены внебиблейскими данными, обогатившими, особенно в последние десятилетия, историю Древнего Востока. Ложный апологетический взгляд на Библию как на энциклопедию исторических и естественных наук должен быть оставлен. Ветхозаветные боговдохновенные писатели – прежде всего богословы и вероучители»².*

Еще одним предшественником Карташева следует считать известного греческого православного библеиста и богослова профессора Василия Велласа. На том же самом I Конгрессе православных богословов в Афинах Веллас выступил с докладом «Библейская критика и авторитет Церкви». В этом докладе он подчеркивал, что Православная Церковь никогда не связывала богодухновенность библейского слова с вопросами об авторстве отдельных книг. Богодухновенность, говорил Веллас, относится, прежде всего, к догматическим и религиозным истинам Писания, а не к данным исторического, геологического, географического или хронологического характера³.

Веллас, по сути, заложил основы современной греческой библеистики. Его работы по Ветхому Завету до сих пор служат университетскими учебниками, а его учениками стали многие греческие библеисты. Сближению греческих богословов и университетской науки способствовала его работа в Афинском Университете (в течение нескольких лет он был ректором Афинского Университета) и вхождение в ряд структур Элладской Церкви (в частности, он возглавлял миссионерскую организацию Элладской Церкви – «Апостолики Диакония»). В 1960-е годы в Афинском Университете под руководством Велласа и при поддержке Греческого библейского общества был осуществлен перевод Нового Завета на современный греческий язык.

К сожалению, наследие Карташева в российской библеистике оказалось намного менее востребованным, чем работы его коллеги Василия Велласа в Греции. Судьба России в XX веке вообще не благоприятствовала развитию церковной науки. После революции богословская наука в России на семь десятилетий практически прекратила свое существование. Возрожденные в 1943 году духовные школы не могли поставить перед собой задачу восстановления богословской науки во всем ее дореволюционном объеме. Даже сейчас, спустя почти три десятилетия после окончания государственной политики «научного атеизма», эта задача не решена.

Особенно сильно трагедия русской богословской науки сказалась на библеистике. В качестве учебных пособий в наших духовных школах до сих пор зачастую используются труды дореволюционных авторов либо их пересказы. Между тем на Западе богословская наука не стояла на месте. Даже по отношению к временам Карташева (не говоря уже про начало XX века) в области библеистики был сделан грандиозный скачок: множество монографий, исследований, статей было написано по отдельным книгам Библии, по библейской истории, библейскому богословию.

---

¹ Булгаков Сергей, прот. Православие. Очерки учения православной церкви. Paris: YMCA-Press, 1964. С. 60.

² Путь. № 52. С. 68.

³ «Bibelkritik und Kirchliche Autarität», Procès-verbaux du I Congrès des théologiens orthodoxes à Athènes. Athènes, 1939. P-135–143.

Православная наука не имеет более права игнорировать весь тот богатейший материал, который накоплен западной библейской наукой к началу XXI столетия.

Конечно, на сегодня работа Карташева во многих своих деталях уже устарела. Но если говорить не о деталях, а о том, что было для Карташева самым главным – что нужно сочетать «наши научные библейские методы с нашей библейской верой», – эта задача ныне актуальна ничуть не меньше, чем в 1944 году.

*Иларион, митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, ректор Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. свв. Кирилла и Мефодия, председатель Синодальной Библейско-богословской комиссии
Москва, март 2017 г.*

А. В. Карташев и его доклад «Ветхозаветная библейская критика»

I

Антон Владимирович Карташев родился в 1875 г. в семье уральского горняка. Богословское образование получил в Пермской Духовной Семинарии (1894) и Санкт-Петербургской духовной академии (1899), где, по окончании курса, с 1900 до 1905 г. преподавал историю Церкви. В 1905 г. руководство духовной академии поставило его перед выбором: либо продолжить свои занятия публицистической и церковно-общественной деятельностью, либо оставить академию. Карташев выбрал второе. После этого вплоть до 1917 г. он был сотрудником Петербургской публичной библиотеки и преподавал историю религии на Высших женских курсах. С 1909 по 1917 г. состоял председателем Религиозно-философского общества в Петербурге.

В 1917 г. Карташев принял непосредственное участие в подготовке Поместного Собора Русской Православной Церкви; в это же время он активно участвует и в политической жизни страны, вступает в партию кадетов. С 25 марта 1917 г. – товарищ обер-прокурора Святейшего Синода. 25 июля 1917 г. Карташев был назначен обер-прокурором Святейшего Синода и немедленно внес законопроект, по которому прежние отношения между Церковью и государством были полностью преобразованы: обер-прокуратура упразднялась, Церковь становилась независимой от государства. Его предложение было принято, и 5 августа 1917 г. должность обер-прокурора была упразднена. Став после этого министром вероисповеданий Временного правительства, Карташев сыграл ключевую роль в организации скорейшего созыва Поместного Собора и открыл его от имени Временного правительства 15 августа 1917 г.

После переворота 25 октября 1917 г. Карташев три месяца провел в тюрьме и был выпущен лишь в январе 1918 г. Тогда же, в январе 1918-го, Поместный Собор избрал Карташева членом Высшего Церковного Совета. Он активно участвовал в работе Собора вплоть до его разгона большевиками и, одновременно, играл одну из ведущих ролей в деятельности подпольной антибольшевистской организации «Национальный центр». В 1919 г. выехал из России, участвовал в Белом движении, а после его поражения эмигрировал во Францию. С момента создания в 1925 г. Свято-Сергиевского богословского института в Париже Карташев становится одним из его ведущих профессоров и преподает на кафедрах истории Церкви и Ветхого Завета вплоть до самой своей кончины в 1960 г.

Его характер, живой, деятельный, ищущий, столь ярко проявившийся в его общественной деятельности в России, ясно чувствуется и в работах парижского периода. Перу Карташева принадлежит множество исторических и богословских трудов, в том числе монументальные «Очерки по истории Русской Церкви», однако небольшой доклад о ветхозаветной библейской критике он считал – совершенно справедливо – одной из важнейших своих работ. Не зря по предложению пекана Свято-Сергиевского института прот. Сергея Булгакова именно за этот труд Карташеву было присвоено звание доктора церковных наук.

II

В программной статье «парижского» периода своей деятельности – «Свобода научно-богословских исследований и церковный авторитет» – Карташев писал⁴:

«Как Христос по-человечески "возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости... и преуспевая в премудрости" (Лк 2, 40 и 52), так и церковь в раскрытии своего учения. Этот процесс есть наглядное отрицание наивной мысли, склонной видеть долг православия только в записывании и недвижимом хранении древнего предания. Если бы св. отцы этим ограничились, церковь не имела бы ее настоящей догматики, ни Единосуция, ни Трех Ипостасей, ни двуединства природ и волю во Христе, ни культа Богоматери, ни икон... Как раз учителя позднейшие, начиная с апологетов, и особенно отцы золотого века (IV–V вв.), те, которые внесли в раскрытие учения церкви все богатства эллинской культуры и философии, именно они и стали главными столпами хранимого нами по преданию учения церкви в его развитом виде. Этот культурно-исторический, человеческий элемент с его относительностью органически и внутренне вошел в недра церкви, став живой оболочкой абсолютных истин христианского откровения. С одной стороны, этим и греческий язык и принятые в лоно догматов элементы античной философии были сублимированы, освящены и увековечены. С другой, – этим же примером и опытом освящались в принципе и все дальнейшие этапы исторической жизни церкви в грядущих веках, в недрах других народов, иных языков и культур... Путь к этому открыт и благословлен, при условии сохранения естественного пиетета пред честью первенства и благодатной гениальностью свв. отцов греческих. Достигнутая степень раскрытия христианской доктрины и ее антично-философская оболочка – не вечны и не единственны...

Свв. отцы первых восьми веков христианства не имели пред своим сознанием ни тех философских предпосылок, ни тех проблем, которые ставятся пред нами – чадами новых культур. Христиане новых веков вовсе не осуждены на роль архивариусов и музейных хранителей эллинских форм догматики. Они, как и древние, суть такие же живые носители существенного содержания апостольского предания веры, которое вечно обновляется "яко юность орля" и соответственно преломляется в соборном сознании всех времен церковной истории, варьируясь в различиях рас, языков и культур. Наши славянские первоучители восстали против монополии античных языков на богослужебное употребление, справедливо назвав ее "триязычной ересью". По аналогии с этим нет монополии на построение раз навсегда богословия даже и у классической эпохи золотого века церковной литературы. Признавая всю силу авторитета и священности для нас этой эпохи, мы, по примеру свв. Мефодия и Кирилла, могли бы назвать "античной ересью" воспрещение переводить на язык новой европейской и славянской мысли все содержание христианства и трактовать его в свойственных нам формах новейшей проблематики...

Святоотеческая эпоха сплавлена с уровнем античного просвещения, утонченного в области философской диалектики, и очень примитивного в вопросах естествознания, истории, археологии, лингвистики. Странно было бы теперь ограничивать богослова в вопросах природы справками с "Шестодневом" Василия Великого, историка, вооруженного сравнительным методом, – Евсевием Кесарийским, библеиста, вооруженного лингвистикой и археологическими открытиями – экзегетикой Кирилла или Феодорита, исагогикой Иеронима, герменевтикой Тикония. Как богословы-умозрители, выразители духа церкви, св. отцы и в истории, и в экзегетике все равно останутся для верующего ученого вечными руководящими спутниками, но не в научной методике, не в технике установки фактов. Этот научный аппарат новой европейской эпохи настолько обогатился и методами, и твердо установленными историческими

⁴ См.: Сб. Живое Предание. Православие в современности. [Православная мысль. Вып. 3]. Париж, 1937. С. 25–41.

фактами сравнительно с христианской античностью, что неуклюжему в науке уму верующих людей неизбежно приходится часто переживать недоумения от встречи с непривычным объяснением многих вопросов, связанных с предметами религиозной веры. По психологическому закону абсолютизации вещей относительных в атмосфере веры, в силу обычного смешения человеческого и изменчивого с божественным и неизменным, часто кажется, что новая богословская наука расходится с Священным Преданием церкви, тогда как тут в большинстве случаев мы имеем дело не с преданием церкви, а только с преданием школы или местного церковного быта...

Итак возникающие на почве роста науки конфликты и трения ее с нормальным бытовым консерватизмом церковных правительств и иногда простого народа не должны иметь без достаточных оснований трагического характера. Их нет там, где нет движения жизни, где жизнь церкви одичала от подавления культуры или где она оскудела. Их было много в древней церкви, когда догматическая жизнь была ключом, их может быть больше, чем сейчас, если этот пульс богословских интересов повысится. Но, повторяем, под этими трениями в принципе трагедии нет, и мы не должны ее создавать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.